

**В** ШКОЛЬНЫЕ тоды я была, так сказать, «жрицей чистого искусства»: писала только о любви (преимущественно «неземной»), о природе (в основном экзотической, хотя и не выезжала никуда дальше дачного Подмосковья) и вообще о всевозможных высоких материях. Замки, рыцари, Прекрасные Дамы, вперемешку с ковбоями, лампасами, лампасами и кабацкими забулдыгами (коктейль из Блока, Майн Рида и Есенина) мирно сосуществовали в этих ужасных виршах.

Судьбу нашу можно назвать одновременно и трагической, и счастливой. Трагической — потому, что в наше отрочество, в такие еще не защищенные, такие ранимые души ворвалась война, неся смерть, страдание, разрушение.

Счастливой — потому, что, бросив нас в самую гущу народной трагедии, война сделала гражданскими даже самые интимные наши стихи. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...».

Конечно, из стихов моих как ветром выдуло и цыганок, и ковбоев, и лампасы с лампасами, и Прекрасных Дам.

Мы пришли на фронт прямо из детства. Нам помогла собственная юность: будь мы немного постарше, будь мы уже профессиональными литераторами, нас послали бы во фронтовую газету или, в лучшем случае, в дивизионку. Мы делали бы, конечно, нужнейшее и почетнейшее дело, но не прошли бы настоящей, окопной, школы.

Поэтическая формула Б. Пастернака — «... и тут кончается искусство и дышат почва и судьба» — к фронтовику не подходит. У фронтовика все как раз и начиналось с судьбы, все «дышало» судьбой, судьбой, совпавшей с народной в час самых тяжелых испытаний. Характерной для своего времени и потому типичной. Трагической и счастливой... И опять возвращаюсь к Пастернаку. Кто не знает

его хрестоматийного «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту»? Кто из серьезных поэтов не стремился к этой мудрой простоте?

А к поэтам-фронтовикам она пришла не «к концу», а в самом начале. И в эту «неслыханную простоту» они впадали отнюдь не «как в

страшной стране, которая называлась Войной.

Ведь и там люди оставались людьми — испытывали обычные человеческие чувства. Впрочем, не совсем обычные: рядом со смертью способность человека чувствовать обостряется.

Понятие времени тогда тоже изменилось — за четыре

## БЕСЕДУ ВЕДЕТ АВТОР

Юлия ДРУНИНА

# ЦВЕТ ПЛАМЕНИ, ЦВЕТ ЗНАМЕНИ, ЦВЕТ КРОВИ

Почти одновременно вышли две книги известной советской поэтессы Юлии Друниной — одноименник избранных произведений в издательстве «Художественная литература» и в серии «Лауреаты Государственной премии РСФСР им. М. Горького» удостоенный этой премии сборник «Не бывает любви несчастливой» («Советская Россия»).

«Избранному» предпослано авторское вступление, которое мы с разрешения Ю. В. Друниной перепечатываем с небольшими сокращениями.

ересь». Наоборот, во времена великого горя народного было бы ересью писать иначе...

По статистике, из каждой сотни фронтовиков 1924 года рождения в живых остались только три человека.. Оно и понятно — прежде всего погибали самые юные, самые неопытные и горячие, рядовые бойцы да свежеспеленные лейтенанты переднего края. Мне повезло — я попала в число этих трех процентов.

Счастье уцелеть в войне ко многому обязывает:

Мои однополчане,

побратимы,

До самой смерти я у вас

«в долгу»...

Баталистом я никогда не была — описания боев у меня нет. Просто пыталась рассказать, как жили (и умирали) в той героической и

года было испытано больше, чем за последующие тридцать.

Рядом со смертью резче выделялись и свойства человеческого характера: порой тишайшие люди оказывались героями, а горластые и напоистые — трусами:

...Поняла я — вовсе не

всегда

Те, кто отличались на

парадах,

Первыми врывались в

города.

...От войны мне никуда не уйти. Да и нужно ли уходить? Жесткой окопной мерой меряю я и сегодняшние свои (и не только свои) поступки, свою (и не только свою) сегодняшнюю способность к драке за правое дело, нет, да и оглядываюсь на того худощавого и бледнющего солдата, каким была когда-то.

И, может быть, он, этот солдатик, помогает мне в минуты слабости...

Общезвестно, что писатель должен обладать одним необходимым качеством — отчаянной жизнестойкостью.

Надо уметь противостоять и ударам, и дарам судьбы — работать, когда тебе плохо, работать, когда тебе хорошо.

Всегда держаться с одинаковым достоинством — не задирает нос, когда тебя возносят, не опускать его, когда тебя разносят.

Всегда оставаться самим собой — не поддаваться на соблазны очередной литературной моды, не гнаться за ложной остротой, не спекулировать на теме; не оправдывать художественную слабость стихов их актуальностью, не забывать, что чем значительнее тема, тем больше и ответственность автора.

Короче говоря, крепко держаться в поэтическом седле.

А вот этому — умению держаться — наше поколение выучила окопная школа. Близость смерти заставила нас понять, что такое настоящие человеческие ценности, и за всю жизнь оградила от таких мелких, но пагубно действующих на творчество «болезней», как тщеславие, зависть, суестьливость, карьеризм, любовь к рекламе.

...Девятого мая закончилась война, а десятого мне исполнился двадцать один. Впереди были и любовь, и новое восприятие природы, и новые встречи и разлуки, и раздумья о сложностях бытия. Впереди была вся жизнь.

Эта жизнь перед тобой, в книге, которую ты раскроешь, читатель. Она резко делится на две неравные части.

Декретом времени, эпохи  
властью

У ветеранов мировой войны

Жизнь — красным — на

две разделило части,

Как некогда погоны

старшины.

Цвет пламени, цвет

знамени, цвет крови!

Четыре долгих, тридцать

быстрых лет...